

Глава 5

Полная автоматизация «непотребства»

В этот раз в переулке Уван Гу Цянь потерпел сокрушительное фиаско. Но, как говорится, после драки кулаками не машут — он сам признавал, что проиграл собственной самонадеянности.

Эту горькую пилюлю Гу Цянь проглотил не поморщившись.

Как бы там ни было, жизнь продолжалась, и ремесло практика Инь бросать он не собирался. Квартиру выставили на торги, а вот со старым двором в переулке Уван вышла заминка: из-за того, что сделка формально не была завершена, в ткани судьбы возник программный баг, и по документам усадьба всё ещё числилась за Гу Цянем.

Теоретически её можно было продать, чтобы выручить хоть какие-то деньги, но любые манипуляции с этим участком неизбежно вели к встрече с сыном владельца жезла Жуи. Сейчас, когда Гу Цянь находился в уязвимом положении, идти на открытый конфликт было неразумно — оставалось лишь тянуть время и искать обходные пути.

Желающих наступить на него, пока он пребывал в столь плачевном состоянии, наверняка хватало с избытком.

Из управляющей компании позвонили и поинтересовались, когда он заберёт свои вещи. Гу Цянь коротко проинструктировал Цзи Лююня, вызвал грузовое такси и отправился в путь, прихватив с собой бесплатную рабочую силу.

Несмотря на то, что по дороге он изо всех сил старался морально подготовиться, при виде порога собственного дома сердце Гу Цяня предательски сжалось. Элитный пентхаус всё ещё был здесь, но душа его уже отлетела в чужие руки.

Он принялся собирать картонные коробки и кивнул Золотистому:

— Забирай всё, что можно упаковать. Всё, что имеет хоть какую-то ценность.

Цзи Лююнь во все глаза разглядывал обстановку. Даже самая обычная стеклянная безделушка приковывала его взгляд на долгое время. Услышав приказ, он непонимающе кивнул, но стоило ему взять коробку, как в тишине комнаты раздалось отчетливое урчание в животе.

Гу Цянь медленно перевёл взгляд вниз.

Золотистый, словно пойманный на месте преступления воришка, поспешно прикрыл живот ладонями. Пальцы впились в ветхую одежду, оставляя на ткани глубокие складки — жалкая

попытка скрыть очевидное.

— Я давно хотел спросить, — Гу Цянь искренне недоумевал. — Ты ведь призрак. С чего бы тебе так отчаянно хотеть есть?

По логике вещей, блуждающие в мире людей души могли испытывать чувство пустоты или голода лишь в том случае, если на них висел тяжкий груз кармы. Под гнѐтом обид и невыплаканных слез в их нутре разверзалась бездонная черная дыра, которую невозможно было заполнить.

Но этот Златовласка не совершал зла. И ел он исключительно человеческую пищу. Если не брать в расчѐт тот факт, что он был мертв уже четыре столетия, парень почти ничем не отличался от живого человека.

Цзи Лююнь под его пристальным взглядом окончательно смутился.

— Я не знаю, — виновато пробормотал он. — Но стоит мне проголодаться, как накатывает жуткая усталость. В сон клонит так, будто я не смыкал глаз всю ночь.

— Призракам не нужно спать, — Гу Цянь подался вперѐд, изучая своего спутника.

Золотистый напряжѐнно сжал губы, его длинные ресницы мелко подрагивали — он выглядел так, словно совершил непростительный проступок. Если присмотреться поближе, на его лице виднелся едва заметный пушок.

Удивительное дело. Какому мастеру удалось создать столь искусный манекен, чтобы в нём могла поселиться душа древнего призрака? И почему он так быстро голодает? Ведь перед отъездом Гу Цянь купил завтрак и даже выделил ему целый баоцзы.

Когда он протянул ему ту дымящуюся паровую булочку, глаза Цзи Лююня буквально прикипели к ней, но он долго не решался взять угощение. Лишь когда Гу Цянь сам впихнул баоцзы ему в руки, тот с недоверием принял дар. Каждый укус сопровождался взглядом на Гу Цяня, полным тихой радости. Золотистый буквально светился изнутри, словно для него наступил величайший праздник.

И вот, прошла всего одна поездка на машине, а он снова голоден.

— Опять? — спросил Гу Цянь.

Цзи Лююнь ответил со всей серьёзностью:

— Если это доставит тебе хлопоты, я могу... постараться не быть голодным.

Он говорил это очень твердо, но в следующую секунду его живот издал очередное протестующее «бульк». Парень ещё сильнее сжал края своей рваной куртки и едва слышно добавил:

— Не хочу тебя расстраивать.

Гу Цянь промолчал. Окинув этого оборванца красноречивым взглядом, он отправился на кухню и вернулся с упаковкой тостов. Следом он заглянул в спальню, выудил несколько комплектов своей старой одежды и швырнул их на диван.

— Ешь. А потом выбери что-нибудь, что на тебя налезет, и переоденься. Ты грязный как черт, смотреть противно.

— Хорошо! — Золотистый прижал к груди хлеб, расплываясь в широкой улыбке. — Мы поедим вместе?

Гу Цянь искренне не понимал этого существа. Златовласка был слишком склонен к счастью. Обычный баоцзы для него — праздник, пакет хлеба — всё равно что Новый год. Он не понимал этого и не собирался соперничать «идиоту».

— Ешь быстрее и принимайся за уборку, — холодно бросил он, отворачиваясь.

— А можно мне съесть всё? — робко уточнил Цзи Лююнь.

Гу Цянь закатил глаза и потащил пустую коробку в спальню.

— Можешь даже оставить пару ломтиков, посадить их в цветочный горшок, и через пару месяцев у тебя вырастет дерево с булочками.

«Неужели такое возможно?!»

Цзи Лююнь пришёл в неопишуемый восторг от этой новости, его глаза так и засияли. Он осторожно вскрыл упаковку, и по комнате разлился характерный аромат пшеничного хлеба. Он невольно сделал глубокий вдох.

Он был голоден. Это была единственная вещь, которую Цзи Лююнь помнил четко.

Он не знал, откуда пришёл. Мир для него был лишь зыбким сном, призрачным маревом, где правда неотличима от вымысла. В толпе суетящихся людей он не знал ни своего прошлого, ни своего пути. И он действительно очень хотел есть.

Цзи Лююню казалось, что он прошёл мимо десяти тысяч человек, но никого из них не узнал. У каждого была своя цель, свой дом, и никому не было дела до него. В одном из глухих переулков он наткнулся на группу парней — они сидели на корточках и ели из коробок.

Аромат еды заставил Цзи Лююня остановиться. Он непроизвольно сделал шаг к ним. Видимо, его взгляд был слишком красноречив, потому что один из парней спросил:

— На что уставился? Тоже хочешь?

Золотистый честно кивнул:

— Да. Я очень голоден.

Парни, похоже, не ожидали такой искренности. Они переглянулись, и один из них, поднявшись, подошёл вплотную.

— Ты издеваешься надо мной?

— Нет, — серьёзно покачал головой Цзи Лююнь. — Ты спросил, я ответил. Я правда очень хочу есть.

Парень на пару секунд замялся, а потом разразился хохотом. Обернувшись к приятелям, он крикнул:

— Слыхали? Нам сегодня попался настоящий дурачок!

Остальные подхватили смех. Они бесцеремонно оглядывали Цзи Лююня, отмечая его высокий рост и крепкое сложение, отчего их гогот стал чуть тише и осторожнее. Другой подошёл и спросил:

— Эй, великан, ты и впрямь такой тупой или прикидываешься?

— Я не тупой, — твёрдо ответил Золотистый.

— Ну и отлично, — сказал первый. — Давай сыграем в одну игру. Если победишь, мы дадим тебе поесть. Идёт?

С этими словами он резко толкнул Цзи Лююня. Удар был несильным, любой нормальный человек легко бы удержал равновесие. В тот момент, когда ладонь коснулась его груди, парень почувствовал, как внутри него вскипает какая-то жаркая, незнакомая сила.

Он не понимал, что это, и на миг замер, ошеломлённый. Именно из-за этого замешательства следующий толчок заставил его пошатнуться. Видя, что этот «верзила» никак не реагирует, хулиганы осмелели. Их смех стал громче и презрительнее, в ход пошли кулаки.

Цзи Лююнь не понимал, за что его бьют. Он чувствовал боль, но в голове бился лишь один вопрос.

«Это и есть игра? Чтобы получить еду, нужно позволять себя калечить?»

Во время стычки из-под его воротника выскользнула подвеска — кусочек нефрита.

— Ого, а эта штучка выглядит дорого, — один из парней потянулся к украшению.

Золотистый инстинктивно схватился за нить. Но это слабое сопротивление лишь разозлило нападавших. Они расцарапали ему руки, силой сорвали нефрит и принялись его рассматривать. Не останавливаясь на достигнутом, они обыскали его карманы и нашли толстую пачку денег.

— Этот идиот даже сдачи дать не может! Вот умора! Ха-ха-ха! — заливались они смехом.

Цзи Лююнь попытался вернуть своё. Эта попытка активировала в хулиганах ген жестокости. Пользуясь численным превосходством, они перестали бояться большого «дурачка» и, выкрикивая ругательства, приготовились как следует отвести душу.

Всё изменилось в одно мгновение. В старом многоквартирном доме неподалёку внезапно вспыхнул золотой свет — словно кто-то зажёл там маленькое солнце. Сияние было таким ярким, что озарило всю улицу, включая этот темный переулок. Нападавшие замерли, глядя на источник света.

— Что за чертовщина?

И тут из здания донеслись странные звуки. Искаженные интонации, низкое, утробное пение. У некоторых из парней волосы на затылке встали дыбом.

— Твою мать, кто это посреди ночи затянул Мантру перерождения? — прошептал один. — Ну и жуть!

— Послушайте... — заикаясь, произнёс другой. — Говорят, в этом доме привидения водятся.

Словно в подтверждение его слов, звуки священного напева стали оглушительными. Хулиганы, чертыхаясь, поспешили убратсья восвояси. Перед уходом они швырнули на землю полупустую коробку из-под еды, оставив грязного и растерянного Цзи Лююня одного.

— Таким идиотам, как ты, только объедки и жрать!

Так незнакомый мир преподавал Цзи Лююню первый урок: чтобы получить пищу, нужно сначала получить побои. Но он смотрел на коробку с остатками еды и чувствовал, что не сможет проглотить ни куска.

Он отбросил её в сторону и побрёл прочь, чувствуя в душе гнетущую пустоту. А свет в окне наверху был таким ярким, что казалось, он виден за многие мили. Он шёл, время от времени закрывая глаза и пытаясь вспомнить, куда же он направлялся, но память оставалась чистым листом.

А потом он услышал плач. И встретил Гу Цяня.

Гу Цянь не мог обойтись без Цзи Лююня.

Гу Цянь не бил Цзи Лююня.

Гу Цянь давал Цзи Лююню еду.

Гу Цянь был хорошим.

А значит, и Цзи Лююнь должен был стать для него хорошим.

Гу Цянь закрыл за собой дверь спальни, и только тогда его спина, которую он намеренно держал прямой, чуть ссутулилась. Он ненавидел неконтролируемые факторы в своей жизни. Привык, что всё идёт по плану. Привык быть холодным и отстранённым. Это были уроки, написанные кровью.

Много лет назад, когда Гу Цянь был ещё ребёнком, он не знал, что попытка спасти раненую лису обернётся такой катастрофой. В семье Гу царили суровые порядки. Они гордились своим статусом практиков Инь, и обучение детей начиналось очень рано. Экзамены были жестокими: детей запирали в проклятых домах, предоставляя им самим искать выход.

Именно на своём первом испытании Гу Цянь нашёл ту лисицу. У неё была перебита лапа, она едва дышала. Несмотря на то, что мальчик тайком принёс её домой и пытался лечить, зверёк не выжил. Но после смерти лисья энергия прикипела к Гу Цяню.

Человеческое тело с демонической судьбой — для такой уважаемой и влиятельной семьи, как Гу, это было клеймом позора. Несмываемым пятном. Родственники решили избавиться от «скверны». Предать человека можно по любой причине, а можно и вовсе без неё.

И первыми за нож взялись те, кто дал ему жизнь. Родители сказали маленькому Цяню, что это новая игра. Несколько раз они пытались убить его, но демоническая сила каждый раз отбрасывала их прочь. Доверие детей к родителям почти безгранично — в их невинном сознании просто нет места мысли о том, что папа и мама могут желать им смерти.

Гу Цянь не понимал, зачем родителям ножи и талисманы для «игры», пока не увидел, как мать вонзает кинжал ему в живот. Только тогда до него дошло: они действительно пытаются его убить.

Демоническая мощь спасла его. В конце концов, на него охотился весь клан, не гнушаясь никакими средствами. Силы лисы не хватало, чтобы сдерживать натиск — началась кровавая резня. В ту осеннюю ночь, в праздник Середины осени, когда полная луна заливала мир своим светом, шестилетнему ребёнку негде было скрыться.

В этом безумии выжил лишь дед. Он принял на себя смертельный удар, закрыв собой внука и дав ему шанс на побег. Гу Цянь долго прятался. Он не знал, куда делись остальные члены семьи, в памяти остался лишь окровавленный халат деда, преграждающий путь преследователям. Рядом с одеждой он нашёл обломок кости — это была фаланга пальца.

Гу Цянь повесил этот обломок на шею и носил его, не снимая, пятнадцать лет. Тот проливной дождь из его детства и пыль минувших лет накрыли его жизнь плотным саваном. И именно поэтому он должен был выжить — любой ценой. Иначе жертва деда была бы напрасной. Да и его собственная жизнь тоже.

Вещей у Гу Цяня было немного. Кроме книг и одежды — одна-единственная фотография. Солнце не могло осветить этот клочок бумаги, который сотни раз сминали и снова разглаживали. На семейном снимке лица троих людей были почти неразличимы.

Гу Цянь смотрел на него тысячу раз, тысячу раз рвал в клочья в порыве ненависти, а потом, движимый горечью, в тысячу первый раз собирал по кусочкам. Любовь и ненависть у детей всегда имеют предельную концентрацию, и на этом старом фото они застыли глубокими складками, подобно шрамам на сердце. Дети не всегда могут до конца понять эти чувства, они просто запирают их в своих снах, чтобы иногда просыпаться от пронзительной боли.

Лишь повзрослев, Гу Цянь осознал: его жизнь — это скучный фильм без всякой художественной ценности. В нём участвовали тысячи людей, и тысячи имён появятся в финальных титрах. А короткое и жирное «КОНЕЦ» станет его личным, одиноким финалом. Именно из-за этой старой раны все нынешние невзгоды — банкротство, поношения, неопределённость — казались ему пустяками. Эта боль не шла ни в какое сравнение с тем ударом кинжала, что нанесла ему родная мать.

Сжимая фотографию, Гу Цянь сидел среди разбросанного хлама, постепенно погружаясь в свои мысли. В конце концов, банкротство — дело серьёзное. На людях он заставлял себя сохранять ледяное спокойствие, но здесь, в одиночестве, он позволил себе капельку тихой печали.

Он так глубоко ушёл в себя, что не заметил, как дверь приоткрылась. Сначала в щель просунулась золотистая макушка, затем любопытные глаза обшарили комнату, и, наконец, в спальню проскользнул Цзи Лююнь. Он неловко потряс в руках двумя комплектами одежды и с надеждой спросил:

— Как думаешь, в чём я выгляжу лучше?

Парень почувствовал, что Гу Цянь расстроен. Он подумал: раз Гу Цянь сказал, что его лохмотья вызывают раздражение, значит, нужно одеться красиво, и тогда Гу Цянь, возможно, повеселеет?

Гу Цянь инстинктивно спрятал фотографию.

— Выбирай сам. Не надо бегать ко мне по каждому пустяку.

Но Цзи Лююнь не отступал:

— Я хочу надеть то, что понравится тебе.

Гу Цянь опустил голову, скрывая покрасневшие глаза. Навязчивость Золотистого начинала утомлять.

— Какая разница, что мне нравится?

— Огромная, — без тени сомнения ответил парень.

Гу Цянь замер. С самого утра он не помнил, сколько раз уже успел прикрикнуть на этого призрака. Но Золотистый неизменно отвечал на его холодность искренностью и теплотой.

«Меня ценят»

Когда эта мысль оформилась в голове, в груди словно что-то взорвалось.

Гу Цяню не нравились такие эмоции. Тем более по отношению к покойнику, которого он знал всего день. Он злился на самого себя за эту слабость. Он мог принять заботу от друга, но только если их дружба длилась не менее шести лет. Как с Чэнь Сы.

Опыт подсказывал ему: шесть лет — это критическая черта. Пока она не пройдена, нельзя верить даже родителям, не то что первому встречному. Он строго придерживался этого правила и не собирался позволять какому-то Златовласке сжигать его оборону своим неуместным теплом. Жажда быть любимым, жажда быть нужным — это признаки трусости. Он

не мог позволить себе быть слабым. И не мог позволить Цзи Лююню такую вольность.

Пусть снаружи Гу Цянь казался живым и общительным, внутри он должен был оставаться ледяным, скверным и бездушным. Это была его броня.

— Значит, сделаешь всё, что я скажу?

Золотистый, видя, что Гу Цянь наконец заговорил с ним, закивал так усердно, что его волосы взлетели вверх.

— Правда?

— Правда!

— Будешь слушаться меня во всём? Выполнишь любую просьбу?

— Да-да! Всё сделаю!

— Отлично, — Гу Цянь откинулся на спинку кровати, и его лицо стало непроницаемым. — А если я скажу, что мне нравится, когда ты без одежды? Если я прикажу тебе выйти на улицу совершенно голым?

Цзи Лююнь не ожидал такого поворота. Его улыбка мгновенно погасла.

— Ты...

Такой реакции Гу Цянь и ожидал. Обещания этого мертвеца ничего не стоили, он просто не понимал веса своих слов. Это вызывало лишь отвращение. Гу Цянь холодно хмыкнул:

— Проваливай. И впредь избавь меня от своих заверений.

Он отвернулся и продолжил собирать вещи. Он всё ещё сжимал в руке фотографию, и её острые углы больно впивались в ладонь. Так и должно быть. Нет ожиданий — нет разочарований. Его никчемная жизнь давно была растоптана ливнем и превращена в грязь. В этот серый, застывший мир не должен проникать ни один яркий цвет.

За его спиной Цзи Лююнь не сводил глаз с затылка Гу Цяня. Он долго стоял неподвижно, о чем-то напряжённо размышляя, а потом, стиснув зубы, решился. Настало время для полной автоматизации «раздевания».

Гу Цянь услышал за спиной шорох ткани, а затем всё стихло. С недоумением он обернулся и

застыл с пустым выражением лица. Что же касается Цзи Лююня, то его лицо пылало так, словно в нём закипела кровь, а в глазах стояли слезы — то ли от стыда, то ли от обиды. Призрак выглядел предельно уязвленным, но при этом в каждой черточке его тела читалось непоколебимое упрямство.

— Я сказал, что сделаю, значит — сделаю! — выкрикнул он дрожащим голосом. — С чего ты взял, что мне нельзя верить?!

Стоило ему закончить фразу, как слеза сорвалась и упала на пол. Одному небу известно, откуда в нём взялось столько обиды. Гу Цянь потерял дар речи. В глазах Золотистого полыхал огонь. Казалось, он принял какое-то окончательное решение и в ту же секунду развернулся, намереваясь выйти из комнаты в таком виде.

Гу Цянь вскочил с места:

— Глупый пёс! А ну вернись!

Но «глупый пёс» не слушал. Он собирался пройтись по округе, чтобы доказать свою верность слову, и Гу Цяню пришлось броситься вдогонку. В этой суматохе он выронил фотографию. Клочок бумаги, хранивший в себе столько лет скорби, плавно опустился на пол прямо в пятно солнечного света. Среди танцующих пылинок Гу Цянь мчался вперёд, пытаясь поймать готового к публичному раздеванию покойника.

— Ты с ума сошёл?! Быстро назад!

Переулок Уван находился на отшибе, и вечером там было практически невозможно найти приличную еду. Гу Цянь попросил грузчиков отвезти собранные коробки во двор усадьбы и оставить их там. А сам повёл «глупого пса» на вечерний рынок — за провизией и одеждой.

Практика показала: даже самые просторные вещи из гардероба Гу Цяня сидели на Золотистом внатяжку и были коротки. О штанах и говорить не стоило — они так плотно облегли его фигуру, что некоторые детали анатомии проступали слишком уж отчетливо. Гу Цянь чувствовал, что сцена, свидетелем которой он стал днём, останется в его памяти до конца жизни. Стиснув зубы, он нашёл какую-то тряпку и велел парню обвязать её вокруг пояса вместо набедренной повязки.

Цзи Лююнь был в восторге от того, как Гу Цянь о нём заботится. А когда он услышал, что они идут за едой, его невидимый хвост готов был взлететь до небес. Он крепко прижимал к груди свой «хлебный горшочек» и буквально приклеился к Гу Цяню. Глядя на бесконечные ряды прилавков с дымящимися закусками, парень сиял от счастья.

Гу Цянь шёл вперёд, чувствуя на себе постоянные толчки и прикосновения спутника. Он хотел было что-то сказать, но побоялся, что любое неосторожное слово снова спровоцирует Золотистого на какой-нибудь непредсказуемый поступок. В конце концов, Гу Цянь тоже умел бояться. Бояться позора.

Утром он был полон уверенности, что легко справится с «идиотом-переростком». К вечеру же Цзи Лююнь уже всю осваивал новые речевые обороты.

— Гу Цянь, я позволю тебе убить себя, если ты купишь мне вон то.

Он указал на палатку с жареными сосисками. Аромат специй кружил голову, и парень выглядел совершенно очарованным. Гу Цянь покосился на него, призадумался на пару секунд и усмехнулся:

— Идёт.

Цзи Лююнь радостно закивал. Но Гу Цянь, забрав сосиску у продавца, не спешил отдавать её.

— Скажи мне, ты правда не помнишь, кто подарил тебе это тело?

Ради сосиски парень предпринял героическую попытку вспомнить хоть что-то, но в его голове по-прежнему было пусто.

— Честное слово, не помню, — ответил он. — Я тебя не обманываю.

Гу Цянь надолго замолчал. Создать подобную марионетку мог только мастер запредельного уровня. Кем он приходится Золотистому? Зачем тратить столько сил на сосуд для его души? Это было всё равно что подобрать бездомного пса в дорогом ошейнике — значит, хозяин где-то рядом. От этой мысли Гу Цяню стало не по себе. Он и сам не понимал, почему его это так злит. И от этого злился ещё больше.

— Гу Цянь, — позвал его Цзи Лююнь с мольбой в голосе. — Как думаешь, эта сосиска... долго проживёт?

— Не знаю, — буркнул Гу Цянь. — Как судьба распорядится.

Взгляд парня был таким горячим, что Гу Цяню показалось — ещё секунда, и его пальцы расплавятся вместе с бамбуковой шпажкой. Он раздражённо протянул ему угощение. Цзи Лююнь счастливо принял сосиску, не забыв в очередной раз напомнить, как сильно он любит Гу Цяня. Первый же укус стал для него моментом истинного блаженства.

Закончив с покупками, они направились в сторону переулка Уван. Сгущались сумерки,

прохожих на улицах становилось всё меньше. Проходя мимо того самого многоквартирного дома, где они встретились, Гу Цянь вспомнил их первую ночь.

— Кстати, — он повернулся к Золотистому, прищурившись. — Зачем ты выбросил талисман, который я тебе дал?

Цзи Лююнь перестал жевать и нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Я его не выбрасывал! — возмущённо воскликнул он.

Он хотел было похлопать себя по карманам, но руки были заняты покупками, поэтому он просто вильнул бедром в сторону Гу Цяня.

— Он здесь. Можешь сам проверить.

Гу Цянь застыл от изумления. Он поразился тому, насколько быстро он привык к поведению «глупого пса» — этот жест показался ему почти естественным. Всё-таки человек — существо с поразительной способностью к адаптации. Впрочем, лезть в чужие карманы он не стал.

— Но я своими глазами видел, как ты рылся в мусорном баке.

— А, это... — голос Цзи Лююня стих. — Я просто еду искал.

Понимая, что Гу Цянь очень чистоплотен, он поспешно добавил:

— Но я потом... сегодня... руки помыл!

Гу Цянь сначала опешил, а потом его лицо приняло неопишемое выражение. Вот и «нашлись точки соприкосновения».

— Значит, ты не нашёл еду, проштатался весь день, а на вторую ночь тебя сцапали те призраки?

Парень внимательно слушал каждое слово. Закончив, он закивал, а потом покачал головой:

— Меня поймали в ту же ночь. Просто один из них сказал, что для пиршества лучше дожидаться следующей полуночи. Тот иностранец в этом не разбирался, но очень им верил, поэтому меня оставили до завтра. Я ведь очень ценный экземпляр! — с гордостью добавил он. — Они даже спорили, кому какая часть достанется.

— А потом пришёл ты.

Договорив, Цзи Лююнь потрянул золотистой гривой, и в его глазах заплясали весёлые искорки. Он был несказанно горд тем, что Гу Цянь явился его спасать. Но сам Гу Цянь прекрасно помнил: в тот день ему по очереди позвонили Лао Цяо и Управление Жёлтых источников. Одному нужна была «лекарственная основа», другим — призраки из усадьбы. Такое совпадение по времени казалось слишком уж преднамеренным. С этим стоило разобраться поподробнее.

Цзи Лююнь продолжал что-то увлечённо рассказывать, но вдруг замолк, глядя на тусклые, мигающие огни в глубине одного из проулков. Гу Цянь заметил перемену в его поведении и проследил за взглядом. В тени переулка на короточках сидели несколько парней и курили. Огоньки сигарет то вспыхивали, то гасли в темноте.

— Твои знакомые? — поинтересовался Гу Цянь.

Парень вспомнил ту неприятную ночь и тихо проговорил:

— Они меня били. И забрали мою подвеску.

Услышав это, Гу Цянь мгновенно посерьёзnel.

— Эта подвеска дорогая?

В этот момент бог мудрости явно поцеловал Золотистого в макушку.

— Очень дорогая! — с жаром подтвердил он.

<http://bllate.org/book/15848/1432188>